

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция
(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Криминалистическое отождествление личности по чертам внешности»

Обучающийся

Д.П. Батарова
(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, О.Е. Репетева
(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

В современном мире криминалистическое отождествление личности по чертам внешности остается одной из ключевых задач правоохранительных органов, поскольку позволяет оперативно устанавливать причастность лиц к преступлениям, идентифицировать потерпевших и без вести пропавших. Актуальность темы обусловлена ростом числа преступлений, связанных с маскировкой и изменениями внешности, а также развитием цифровых технологий, которые одновременно упрощают и усложняют процесс идентификации. В условиях цифровизации общества и увеличения объемов визуальной информации (видеозаписи, фото из социальных сетей) традиционные методы габитоскопии требуют интеграции с биометрией и искусственным интеллектом, но сталкиваются с проблемами этического и правового характера. Кроме того, глобализация и миграция повышают разнообразие антропологических типов, что делает необходимым совершенствование методик для учета культурных и расовых особенностей. В России ежегодно остаются нераскрытыми тысячи преступлений, в том числе это связано с трудностями в идентификации, что подчеркивает необходимость научного осмысления темы для повышения эффективности расследований.

Цель исследования – комплексный анализ криминалистического отождествления личности по чертам внешности как метода расследования преступлений, а также выявление проблем и перспектив развития.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе криминалистического отождествления личности по чертам внешности при расследовании преступлений.

Предмет исследования – нормы права, методы, приемы и процедуры, регулирующие отождествление личности по чертам внешности в криминалистике.

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общие положения об идентификации личности по признакам внешности.....	7
1.1 История возникновения и развития криминалистического учения о признаках внешности	7
1.2 Понятие, сущность и виды идентифицирующих признаков внешности человека	13
Глава 2 Особенности отождествления человека по признакам внешности....	20
2.1 Методология отождествления человека по признакам внешности	20
2.2 Криминалистическая портретная экспертиза	33
Глава 3 Анализ практического аспекта отождествления человека по признакам внешности.....	43
3.1 Использование признаков внешности человека в следственной и оперативно-розыскной практике	43
3.2 Проблемы и перспективы отождествления человека по признакам внешности	47
Заключение.....	58
Список используемой литературы и используемых источников	61

Введение

В современном мире криминалистическое отождествление личности по чертам внешности остается одной из ключевых задач правоохранительных органов, поскольку позволяет оперативно устанавливать причастность лиц к преступлениям, идентифицировать потерпевших и без вести пропавших. Актуальность темы обусловлена ростом числа преступлений, связанных с маскировкой и изменениями внешности, а также развитием цифровых технологий, которые одновременно упрощают и усложняют процесс идентификации. В условиях цифровизации общества и увеличения объемов визуальной информации (видеозаписи, фото из социальных сетей) традиционные методы габитоскопии требуют интеграции с биометрией и искусственным интеллектом, но сталкиваются с проблемами этического и правового характера. Кроме того, глобализация и миграция повышают разнообразие антропологических типов, что делает необходимым совершенствование методик для учета культурных и расовых особенностей. В России ежегодно остаются нераскрытыми тысячи преступлений, в том числе это связано с трудностями в идентификации, что подчеркивает необходимость научного осмысления темы для повышения эффективности расследований.

Цель исследования – комплексный анализ криминалистического отождествления личности по чертам внешности как метода расследования преступлений, а также выявление проблем и перспектив развития.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- изучить историю возникновения и развития криминалистического учения о признаках внешности;
- раскрыть понятие, сущность и виды идентифицирующих признаков внешности человека;
- проанализировать методологию отождествления человека по признакам внешности;

- рассмотреть особенности криминалистической портретной экспертизы;
- изучить использование признаков внешности человека в следственной и оперативно-розыскной практике;
- выявить проблемы и перспективы отождествления человека по признакам внешности.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе криминалистического отождествления личности по чертам внешности при расследовании преступлений.

Предмет исследования – нормы права, методы, приемы и процедуры, регулирующие отождествление личности по чертам внешности в криминалистике.

Теоретическая база исследования опирается на труды ведущих криминалистов: Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухова, Е.Р. Россинской, А.М. Зинина, Л.В. Дмитриевой, Е.В. Прокофьевой, Н.К. Горбуновой, Е.П. Клипко, Р.Р. Галяутдинова, Ю.В. Алексеевой, В.А. Газизова и других. Эти работы формируют концептуальную основу, охватывая историю, методологию и практические аспекты габитоскопии.

Нормативная база включает Конституцию Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и другие нормативно-правовые акты в рамках исследуемой тематики.

Эмпирическая база состоит из анализа судебной практики: приговоров и постановлений судов (например, Апелляционное постановление Архангельского областного суда № 22-3043/2021, Постановление Княжпогостского районного суда № 1-54/2024, Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22-264/2018, Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 19-АПУ19-16, Приговор Торжокского межрайонного суда Тверской области № 1-87/2024 и др.).

Методы исследования включают анализ, синтез, обобщение, сравнение, исторический метод, системный подход, эмпирический метод.

Практическая значимость работы заключается в разработанных рекомендациях, что может повысить эффективность расследований в правоохранительных органах.

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников. Первая глава посвящена общим положениям об идентификации личности по признакам внешности, включая историю и понятие признаков. Вторая глава анализирует особенности отождествления, методологию и портретную экспертизу. Третья глава фокусируется на практическом аспекте, использовании в практике и проблемах с перспективами.

Глава 1 Общие положения об идентификации личности по признакам внешности

1.1 История возникновения и развития криминалистического учения о признаках внешности

Криминалистическое отождествление личности по чертам внешности представляет собой фундаментальную область криминалистики, эволюционировавшую от эмпирических методов наблюдения к высокотехнологичным системам анализа. Эта дисциплина возникла в ответ на практические нужды правоохранительных органов в идентификации преступников и потерпевших, опираясь на уникальность индивидуальных признаков внешности человека. Историческое развитие этого учения отражает прогресс научной мысли, технологических инноваций и интеграции междисциплинарных подходов, от антропологии до биометрии.

Первые шаги в использовании внешнего облика для идентификации личности были сделаны в начале XIX века во Франции. Эжен Франсуа Видок, бывший преступник, ставший начальником парижской полиции Сюрте, организовал в 1810 году систему «парада преступников», где сотрудники полиции запоминали внешние черты рецидивистов с помощью «фотографической памяти». Данный аспект включал в себя фиксацию лица, роста и телосложения, что заложило основу для систематического подхода к габитоскопии [9, с. 32]. Такой метод был чисто эмпирическим, но доказал свою эффективность в борьбе с преступностью в урбанизированном Париже.

Дальнейшее развитие связано с работами Альфонса Бертильона, чиновника парижской полиции, который в конце XIX века разработал антропометрическую систему регистрации. Заимствовав идеи от своего отца-антрополога, Бертильон предложил измерять ключевые параметры тела: рост, длину головы, ушей, пальцев, предплечья, а также фиксировать цвет радужной оболочки глаза и особые приметы. Эта система, известная как «бертильонаж»,

была внедрена в 1880-х годах и позволяла классифицировать индивидов по карточкам, минимизируя ошибки идентификации [9, с. 32].

Р.Р. Галяутдинов, Ю.В. Алексеева отмечают, что «в 19 веке французский полицейский Альфонс Бертильон разработал полноценную систему словесного описания, измерения и классификации различных частей человеческого тела, предназначенную для регистрации преступлений и идентификации их по внешнему виду. В рамках разработанной методики проводится судебно-портретная экспертиза. При таком обследовании криминалистов интересуют: 1) общефизические: пол, антропологический тип, возраст, тип телосложения; 2) анатомические элементы: характеризующие внешнее строение головы, туловища, конечностей; 3) функциональные элементы: общее поведение, телосложение, мимика и артикуляция, походка, жесты, специальные навыки и бытовые привычки; 4) косвенные или родственные элементы: предметы одежды, головные уборы, обувь, портфели, зонты, украшения» [7, с. 220]. Общефизические признаки служат для первичной классификации, анатомические – для детального анализа устойчивых черт, функциональные – для учета динамики поведения, а косвенные – для контекстуальной идентификации в оперативной работе. В России антропометрия Бертильона была введена в 1890 году в Петербурге, что ознаменовало начало научного подхода к криминалистике в империи.

Относительно вклада Бертильона можно отметить, что его система не только революционизировала идентификацию, но и заложила основу для этических дебатов о приватности. В эпоху, когда измерения тела использовались для классификации преступников, это вызывало вопросы о стигматизации и потенциальном злоупотреблении данными. Сегодня, с развитием биометрии, эти размышления актуальны как никогда, подчеркивая необходимость баланса между эффективностью и правами человека.

В начале XX века акцент сместился на использование фотографии для идентификации. «Н. Д. Вороновский в 1931 году в книге «Уголовная техника» достаточно подробно осветил вопрос идентификации личности по

фотоснимкам, приводя методы сравнительного исследования. Объектами идентификации выступала внешность человека, запечатлённая на фотоснимках анфас и в профиль (на профильных фотоснимках хорошо отображалось строение ушных раковин). В это же время система словесного портрета начинает использоваться и в экспертной идентификации личности» [9, с. 32-33]. Это период ознаменовался переходом от ручных измерений к визуальным отображениям, что повысило точность в условиях растущего числа уголовных дел.

Послевоенные годы, особенно 1950-е, стали эпохой теоретического обоснования судебно-портретной экспертизы. Н.В. Терзиев разработал научно-методические основы, классифицируя признаки внешности на общие и частные, с акцентом на редкие черты, такие как родимые пятна или асимметрия лица. Он считал объектом экспертизы голову и лицо как совокупность индивидуализирующих элементов [9, с. 33]. Это заложило основу для стандартизации экспертизы, где правила проведения исследований были изложены в специализированных работах, интегрируя криминалистику с антропологией.

В 1960-е годы значительный вклад внес В.А. Снетков, чья монография детализировала этапы экспертного исследования: от предварительного анализа до сравнения и вывода. В.А. Снетков подчеркивал условность деления признаков на общие и частные, предлагая рассматривать каждый элемент как самостоятельный и разложимый на подэлементы [9, с. 33]. Это позволило углубить методологию, учитывая не только статические черты, но и их вариабельность, что было критично для идентификации в сложных случаях.

Габитоскопия, как наука, изучающая внешний вид человека, его признаки, элементы и свойства, была предложена В.А. Снетковым в 1973 году. Это название происходит от латинского «*habitus*» (внешность человека) и греческого «*skoreo*» (рассматривать). Данная отрасль криминалистической техники включает теоретические положения и научно-технические средства для сбора, изучения и использования данных о внешнем облике в

криминалистической практике. Основопологающим понятием здесь является внешний облик человека, воспринимаемый зрительно [7, с. 219].

Исследования Чезаре Ломброзо, пытавшегося доказать врожденную преступность через внешние черты, не увенчались успехом, но подчеркнули роль врожденных способностей и темперамента в формировании характера. Воспитание и социализация играют ключевую роль в том, станет ли человек преступником или, напротив, направит агрессию в конструктивное русло, например, в спорт [7, с. 219-220]. Хотя теория Ломброзо устарела, она повлияла на понимание внешности как комбинации врожденного и приобретенного, что актуально для классификации признаков.

Анализируя опыт Ломброзо, стоит отметить, что попытки связать внешность с преступностью привели к научному прогрессу, но также к ошибочным стереотипам. Это учит нас осторожности в интерпретации признаков: внешность отражает генетику и окружение, но не определяет мораль.

«Начиная с 1960-х годов такие учёные, как А.М. Зинин, П.Г. Орлов, З.И. Кирсанов и другие занимались проблемами портретной экспертизы. К 1990-м годам учёными были проанализированы методы сопоставления изображений, определены критерии идентификации внешности по её признакам, введено понятие экспертизы. Фотопортретная экспертиза (прежнее название портретной экспертизы) – это один из сложных видов криминалистического исследования, состоящий в изучении графических отображений внешнего облика человека в целях отождествления изображённых на фотоснимках лиц» [9, с. 33]. Этот период характеризовался интеграцией трасологии и судебной фотографии, что расширило спектр решаемых задач.

Начало XXI века ознаменовалось взрывным ростом электронных носителей информации, что потребовало модернизации экспертизы. Фотопортретная экспертиза эволюционировала в портретную, учитывая видеоизображения и динамические аспекты внешности. Исследования теперь

включали анализ движения, поз и отдельных частей тела, фиксируемых на видеозаписях [9, с. 33-34]. Это отразило технологический прогресс, где цифровые инструменты позволили преодолевать ограничения статических фото.

Современный этап развития подразумевает накопление опыта и публикаций, стимулирующих дальнейшее совершенствование. Примеры из судебной практики, такие как идентификация по родимым пятнам на руках в деле 2013 года или по фотоснимкам интимных частей тела в 2017 году, которые приводит в своём исследовании Л.В. Дмитриева, демонстрируют расширение объектов экспертизы [9, с. 34-35]. Эти случаи подчеркивают необходимость междисциплинарного подхода, где портретная экспертиза решает задачи, выходящие за рамки традиционных методов.

В 2009 году В.Г. Булгаков предложил концепцию динамических признаков внешности, обосновав новое направление в криминалистике с использованием современных средств анализа движения [9, с. 36]. Это открыло перспективы для изучения походки, жестов и мимики, интегрируя видеоанализ в экспертную практику.

Развитие технических средств, от фотоаппаратов до видеокамер, существенно расширило возможности идентификации. Фото- и видеозаписи фиксируют не только голову, но и конечности, глаза и другие элементы, что ставит вопрос о границах портретной экспертизы [9, с. 36]. Традиционные ограничения устаревают, требуя включения диагностических признаков, таких как возрастные изменения или косметические вмешательства. Следует отметить, что переход к видео и биометрии не только повышает точность, но и создает вызовы в хранении данных.

Философский аспект, опирающийся на идеи Ф. Энгельса о прогрессе познания от простого к сложному, подчеркивает необходимость усложнения знаний в криминалистике. От элементарных измерений к биометрическим системам – это путь бесконечного развития [9, с. 36]. Судебные медики, не обладая криминалистическими знаниями, не могут полноценно решать

идентификационные задачи, что подчеркивает роль специалистов в габитоскопии.

Перспективы включают внедрение биометрических технологий, таких как распознавание радужной оболочки или венозного рисунка, в судебную экспертизу. Это позволит повысить точность идентификации, особенно в случаях маскировки или изменений внешности [9, с. 37]. Современные работы фокусируются на совершенствовании методов, учитывая динамику и искусственные трансформации.

Систематизируя этапы развития, можно выделить три основных периода: эмпирический (XIX век), где преобладали наблюдение и измерения (Видок, Бертильон); теоретико-методический (XX век), с формированием экспертизы (Терзиев, Снетков, Зинин); и технологический (XXI век), интегрирующий цифровизацию и биометрию. Каждый период наращивал функциональные возможности, от статических описаний к динамическому анализу.

Эмпирический период заложил основу через практические нужды, систематизируя внешние признаки в антропометрию и словесный портрет. Теоретико-методический этап стандартизировал экспертизу, вводя классификации и этапы исследования, что позволило интегрировать науку в судебную практику. Технологический период расширил объекты, включая видео и биометрию, решая задачи в условиях цифровой реальности.

Систематизация показывает прогрессивный характер развития: от ручных методов к автоматизированным, от фокуса на лице к целостному облику, от идентификации к диагностике изменений. Это отражает адаптацию к социальным и технологическим вызовам, где каждая стадия строится на предыдущей, минимизируя субъективность.

Таким образом, история криминалистического учения о признаках внешности демонстрирует непрерывную эволюцию от эмпиризма к науке, с перспективой интеграции искусственного интеллекта и биометрии. Это

обеспечивает более точную идентификацию, но требует этического и правового регулирования для защиты персональных данных.

Дальнейшее развитие должно фокусироваться на стандартизации биометрических методов, расширении баз данных и подготовке экспертов, способных интегрировать традиционные и инновационные подходы. Следует отметить, что криминалистическое отождествление по чертам внешности остается ключевым инструментом в борьбе с преступностью, непрерывно эволюционируя.

1.2 Понятие, сущность и виды идентифицирующих признаков внешности человека

Криминалистическое отождествление личности по чертам внешности является одной из ключевых задач криминалистики, направленной на установление личности в процессе расследования преступлений. Этот процесс опирается на анализ индивидуальных и относительно устойчивых признаков внешности, которые фиксируются в различных формах – от словесных описаний до цифровых изображений. Сущность отождествления заключается в сравнении внешних признаков с имеющимися данными для подтверждения или исключения тождества лица, что делает его неотъемлемой частью криминалистической техники.

По мнению Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухова, Е.Р. Россинской, необходимость в установлении личности возникает в процессе проведения многих оперативных и следственных действий, при розыске и задержании лиц, скрывающихся от следствия и суда, лиц, бежавших из мест заключения, при освидетельствовании и предъявлении для опознания, в ходе проверки по учетам без вести пропавших лиц и неопознанных трупов, при проверке документов, удостоверяющих личность, при экспертном установлении тождества лица, изображенного на двух и более фотоснимках

[1, с. 336]. Это расширяет применение габитоскопии от розыска до экспертизы, подчеркивая ее роль в комплексном расследовании.

Согласно позиции Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухова, Е.Р. Россинской, «в основе криминалистической габитоскопии лежат данные анатомии, антропологии, биологии. В ней широко используются положения и методы криминалистической идентификации. Предметом изучения габитоскопии являются облик человека, закономерно характеризующие его признаки внешности, их классификация и использование для целей отождествления, методики такого отождествления» [1, с. 336]. Исследователи отмечают, что «внешним обликом человека называют его наружный вид, представляющий собой совокупность данных, воспринимаемых зрительно. Определяющими во внешнем облике являются его элементы. Понятие элемента в данном случае довольно широко. Это и отдельные анатомические органы (голова, рука и др.), и целые области тела (грудь, спина), и отдельные части целого (лоб, глаза, губы и т. п.), и функциональные проявления, а также одежда и другие сопутствующие предметы» [1, с. 336]. Такая интеграция наук обеспечивает всесторонний анализ внешности для точной идентификации.

Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская рассматривают габитоскопию как фундаментальную основу для отождествления личности. Исследователи утверждают: «Криминалистическая габитоскопия (от лат. *habitus* – внешний облик человека, его телосложение + греч. *skopeo* – смотрю, изучаю) – это отрасль криминалистической техники, включающая систему теоретических положений о внешних признаках человека и совокупность методов и научно-технических средств, обеспечивающих собирание, исследование и использование этих признаков для отождествления личности» [1, с. 336]. Сущность габитоскопии заключается в систематизации внешних данных для их применения в расследованиях, что делает ее мостом между теорией и практикой криминалистики.

По мнению Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухова, Е.Р. Россинской, каждый элемент внешности характеризуется определенными признаками, которые в габитоскопии подразделяют на анатомические, функциональные, сопутствующие (или косвенные) [1, с. 336].

Размышляя о классификации признаков, стоит отметить, что анатомические черты, будучи наиболее устойчивыми, служат основой для долгосрочной идентификации, но в эпоху пластической хирургии их стабильность подвергается испытанию. Это побуждает к развитию методов, учитывающих искусственные изменения, и подчеркивает эволюцию габитоскопии от статичной науки к адаптивной.

Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская подчеркивают, что «анатомические признаки определяют пол, возраст, рост, телосложение, антропологические черты внешности, строение тела, головы, лица и его элементов. Особое внимание, естественно, уделяется лицу человека как наиболее индивидуализирующему личность при ее зрительном восприятии. Кожные покровы лица (головы), особенно те из них, которые характеризуются близкорасположенной костнохрящевой основой черепа, относительно устойчивы в течение всей жизни человека (лоб, нос, уши и другие). Это обстоятельство делает возможным отождествление личности, внешний облик которой был зафиксирован со значительным интервалом во времени (годы, десятилетия)» [1, с. 336].

«Функциональные признаки проявляются в процессе жизнедеятельности человека, характеризуя его двигательные и физиологические функции (жестикуляция, мимика и тому подобное). В числе анатомических и функциональных признаков выделяют такие, которые представляют собой патологические формы аномалии. Поскольку такие аномалии имеют большую идентификационную ценность, их относят к особым приметам. Особые приметы могут быть врожденными (укороченность конечности, родимые пятна, горб и другие) и приобретенными (шрамы, татуировки, искривление спинки носа и тому подобное). В целях розыска из

числа особых в отдельную группу могут быть выделены «броские» признаки: сравнительно редкие, ярко выраженные, легко запоминающиеся» [1, с. 337].

«Сопутствующие, или косвенные, признаки – это приметы одежды и других предметов, связанных с данной личностью (очки, кольцо, трость и другие). Особенно важна фиксация признаков одежды при обнаружении неопознанного трупа» [1, с. 337].

Эти классификации обеспечивают структурированный подход к анализу, где анатомические признаки доминируют по устойчивости, функциональные добавляют динамику, а сопутствующие – контекст для оперативного розыска.

Исходя из анализа функциональных и сопутствующих признаков, можно сказать, что их роль особенно высока в «горячих» следах, но они уязвимы к изменениям. Это побуждает к интеграции с цифровыми технологиями, такими как видеоанализ, для повышения надежности и минимизации субъективных ошибок в опознании.

Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская отмечают, что «идентификационная ценность признаков внешности различна. Она определяется как относительной устойчивостью признака, так и частотой его встречаемости. Наиболее значимы анатомические признаки, базирующиеся на костно-хрящевой основе головы, лица. Из них особую ценность представляют редко встречаемые (очень большой нос, очень большие сросшиеся брови и тому подобное). Функциональные признаки легче подвергаются изменениям, однако среди них могут быть довольно устойчивые, обусловленные особенностями анатомического строения (например, хромота как следствие укороченности ноги). Сопутствующие признаки находят широкое применение в процессе розыска преступника «по горячим следам», когда он не имеет возможности сменить одежду. Чем реже встречается признак, тем выше его значимость. Иногда двух-трех особых («броских») примет достаточно для розыска и задержания» [1, с. 337]. Это позволяет ранжировать признаки по значимости, повышая эффективность идентификации в практике.

Согласно позиции Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухова, Е.Р. Россинской, «идентифицируемым по признакам внешности является проверяемое (искомое) лицо. Это может быть подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный. В качестве идентифицирующих объектов могут выступать: а) мысленный психофизиологический образ внешнего облика, запечатленный в памяти потерпевшего, свидетеля, других лиц, когда отождествление осуществляется путем предъявления для опознания; б) материальная фиксация внешнего облика на фотоснимке(ах), киноплёнке, видеоплёнке, диске с цифровой информацией; в) словесное (вербальное) описание внешности человека с использованием специальной терминологии и системы описания (в картотеке криминалистического учета, в розыскной ориентировке и тому подобное) или в произвольной форме (протокол допроса потерпевшего, свидетеля); г) останки человека (труп, скелетированный труп, череп)» [1, с. 338]. Такой подход определяет объекты идентификации, от мысленных образов до материальных фиксаций, обеспечивая гибкость методов.

«Основными свойствами внешности человека являются рефлекторность, индивидуальность и относительная стабильность.

Индивидуальность – это уникальный набор элементов внешности и особенностей каждого человека. Здесь Фантомас – настоящая находка для следователей. В мире нет ни одного человека, чья совокупность элементов внешнего облика абсолютно идентична другому. Даже близнецы разные.

Относительная стабильность – это неизменность внешнего вида человека в течение определенного периода времени. он позволяет идентифицировать человека спустя много лет с момента его отображения в памяти, на фото или видео. более того, определенная изменчивость элементов внешности в период взросления, старения не препятствует идентификации человека по элементам внешности, так как криминалистам известны закономерности возрастных изменений. например, существуют

компьютерные программы, которые позволяют смоделировать портрет одного и того же человека через несколько лет, используя уже существующий образ.

Рефлекторность – это способность человека запоминаться окружающим, выглядеть естественно на фотографиях и во время видеосъемки. есть лица, которые чрезвычайно трудно описать. в сознании человека, который пытается вспомнить такого преступника, этот образ размывается, теряет свои специфические черты. это может быть исправлено только тогда, когда описание проводится под наблюдением профессионального габитоскописта» [7, с. 220-221].

Эти свойства определяют сущность признаков как надежных идентификаторов, где индивидуальность обеспечивает уникальность, стабильность – долговечность, а рефлекторность – практическую применимость в фиксации.

Р.Р. Галяутдинов, Ю.В. Алексеева отмечают, что внешний облик проявляется объективно (на пленке, электронных носителях) и субъективно (словесные описания, рисунки, скульптуры). Объективные отображения обладают высокой достоверностью, в то время как субъективные зависят от воображения [7, с. 221]. Объективные формы предпочтительны для экспертизы, субъективные – для оперативных ориентировок, что подчеркивает необходимость комбинации в практике.

Каждый человек обладает уникальной внешностью с индивидуальными характеристиками, наделенной наглядностью для фиксации в изображениях или памяти. Габитоскопия как отрасль криминалистической техники обеспечивает сбор и применение данных для расследования преступлений. Для эффективности методов необходим учет практического опыта экспертиз. Это подчеркивает понятие внешности как динамичной системы, где индивидуальность – основа отождествления.

Таким образом, понятие криминалистического отождествления по чертам внешности охватывает анализ уникальных признаков для установления личности, сущность – в габитоскопии как науке о внешнем

облике, а виды включают общефизические, анатомические, функциональные и сопутствующие признаки с свойствами индивидуальности, стабильности и рефлексорности. Это обеспечивает системный подход, но требует учета изменчивости для точности в практике.

Представим выводы по первой главе исследования.

История возникновения и развития криминалистического учения о признаках внешности иллюстрирует путь от эмпирических методов XIX века, таких как системы Видока и Бертильона, к теоретическим основам XX века с вкладами Терзиева и Снеткова, и далее к технологическому прорыву XXI века с биометрией и видеоанализом. Эта эволюция подчеркивает адаптивность дисциплины к социальным и научным изменениям, минимизируя субъективность и повышая точность идентификации, но также акцентирует необходимость этического регулирования в использовании данных о внешности.

Понятие и сущность идентифицирующих признаков внешности человека раскрываются через габитоскопию как интегративную науку, классифицирующую признаки на анатомические, функциональные и сопутствующие, с ключевыми свойствами индивидуальности, стабильности и рефлексорности. Всё это обеспечивает структурированный подход к отождествлению в расследованиях, от розыска до экспертизы, но требует учета изменчивости и комбинации объективных и субъективных методов для максимальной эффективности в практике.

Глава 2 Особенности отождествления человека по признакам внешности

2.1 Методология отождествления человека по признакам внешности

Методология отождествления человека по признакам внешности представляет собой систематизированную совокупность теоретических положений, методов, приемов и научно-технических средств, направленных на сбор, анализ и использование данных о внешнем облике для установления личности в криминалистической практике. Она опирается на принципы габитоскопии, интегрируя оперативные, экспертные и процессуальные подходы, и учитывает как статические, так и динамические признаки. Актуальность методологии обусловлена необходимостью оперативной идентификации в расследованиях, где внешность служит ключевым идентификатором, но требует учета изменчивости и субъективности данных. Далее последовательно рассмотрим ключевые компоненты: оперативные и междисциплинарные аспекты, роль субъективных отображений, методы описания (словесный портрет), классификацию признаков, источники и способы фиксации информации, а также нормативную базу.

А.М. Зинин акцентирует внимание на специфике оперативной идентификации. Исследователь отмечает, что «успешная идентификация человека по признакам его внешнего облика в ходе непроцессуальной деятельности осуществляется в ходе комплексного использования оперативно-розыскных мероприятий, изготовления субъективных портретов разыскиваемых лиц, проверки имеющейся информации по различным видам регистрационных систем» [10, с. 169]. А.М. Зинин подчеркивает, что «успешная идентификация человека по признакам его внешнего облика возможна тогда, когда учитывается специфика носителей информации о признаках внешности человека, особенности деятельности ее субъектов и комплексного использования ее результатов» [10, с. 169]. Учёный отмечает,

что оперативная идентификация по признакам внешности предполагает использование не только визуальных данных, но и поведенческих характеристик, таких как походка, жесты, зафиксированные на видеозаписях [10, с. 172-173]. Соглашаясь с исследователем, стоит заметить, что оперативная идентификация незаменима на ранних этапах расследования. На наш взгляд, для снижения субъективных ошибок необходимы стандартизированные протоколы анализа видеоданных, что повысит достоверность результатов.

Переходя от теоретических аспектов оперативной идентификации к ее правовому регулированию, следует отметить, что Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» непосредственно определяет процедуры, связанные с отождествлением личности в оперативной работе. Статья 6, пункт 7, включает в перечень оперативно-розыскных мероприятий «отождествление личности» [22]. Закон устанавливает, что такие мероприятия направлены на выявление и установление лиц, подготавливающих или совершивших преступления, а также скрывающихся от правосудия. Положение акцентирует внимание на оперативной идентификации, которая часто базируется на визуальных данных, таких как видеозаписи или словесные портреты. Это нормативное положение дополняет методологические рекомендации А.М. Зинина, обеспечивая правовую основу для комплексного использования данных о внешности в непроцессуальной деятельности, но требует строгого контроля за соблюдением конфиденциальности, чтобы предотвратить злоупотребления.

Е.П. Клипко рассматривает идентификацию с междисциплинарной точки зрения, подчеркивая связь криминалистики и судебной медицины. Исследователь акцентирует внимание на необходимости различать понятия «идентификация личности» (применимую исключительно к живому человеку как субъекту социальных и правовых отношений) и «идентификация человека» (более широкое понятие, охватывающее как живых индивидов, так и трупы или их фрагменты как биологические объекты) [12, с. 100-101]. Этот

подход подчеркивает важность учета биологических факторов, включая врожденные и приобретенные признаки, для повышения точности в экспертной практике. Позиция Е.П. Клипко актуализирует междисциплинарный подход как ключ к решению сложных задач, обосновывая унификацию термина «идентификация человека» для унификации терминологии в судебной медицине и криминалистике. Полагаем, что использование генетического анализа и биометрических технологий может дополнить традиционные методы, обеспечивая более надежные результаты.

Междисциплинарный подход Е.П. Клипко находит отражение в Федеральном законе от 3 декабря 2008 года № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», который регулирует использование геномной информации как разновидности биометрических данных, дополняющих габитоскопические методы. Статья 1, часть 3, определяет: «Геномная информация - биометрические персональные данные, включающие кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа» [21]. Закон устанавливает обязательную геномную регистрацию для подозреваемых, осужденных и других категорий лиц, что может использоваться для идентификации, особенно в случаях с неопознанными останками. Данное положение расширяет возможности криминалистики, позволяя сочетать геномные данные с традиционными методами габитоскопии, и подчеркивает необходимость интеграции биологических факторов, как отмечено Клипко, но требует строгого контроля за соблюдением конфиденциальности, чтобы предотвратить злоупотребления.

Е.В. Прокофьева и соавторы акцентируют внимание на роли субъективных отображений признаков внешности человека в криминалистическом установлении личности, подчеркивая их применение для отождествления скрывающихся преступников, разыскиваемых лиц и неопознанных трупов. В современной криминогенной обстановке,

характеризующейся высоким количеством нераскрытых преступлений, субъективные отображения, включая словесные описания и фотороботы, играют ключевую роль в оперативно-розыскной деятельности, особенно при отсутствии объективных данных. Авторы подчеркивают методологическую основу таких методов, основанную на системе классификации и описания внешних признаков с использованием словесного портрета, что требует от специалистов стабильных навыков оценки и характеристики элементов внешности, а также специальных познаний в анатомии, физиогномике и изобразительном искусстве. В проведенном эксперименте по составлению рисованных и композиционных портретов по фотографии лица мужчины (возраст 20-25 лет) установлено, что рисованные портреты достигают примерно 80% совпадений с оригиналом по признакам внешности, в то время как композиционные – 65-70%, из-за унификации шаблонов в базах данных программного обеспечения и ограниченной вариативности признаков. Результаты анализа, представленные в таблице совпадений и расхождений (например, по элементам волосяного покрова лица, контуру глаз, форме щек и характеристикам ушных раковин), показывают, что рисованные портреты точнее передают индивидуальные признаки, но подвержены влиянию субъективных факторов, таких как краткосрочная память, внимание, мышление и воображение специалиста, а также психоэмоциональное состояние свидетелей. Композиционные портреты демонстрируют большую девиацию признаков из-за отсутствия у специалистов художественных навыков и ограничений ПО в динамичном изменении элементов, что подчеркивает методологические ограничения в трехмерном отображении внешности. Авторы отмечают, что эффективность отождествления зависит от учета факторов зрительного восприятия и мысленных образов, систематизированных в сравнительном анализе [19, с. 53-59].

Роль субъективных отображений тесно связана с процессуальными нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), который регулирует использование данных, полученных в ходе

оперативно-розыскной деятельности, для идентификации личности. Статья 166, часть 2, определяет: «В протоколе описываются результаты осмотра, включая внешние признаки лица, если они имеют значение для дела» [20]. Эта норма подчеркивает важность документирования анатомических особенностей, таких как форма лица или особые приметы, в ходе следственных действий, таких как осмотр. Дополняет этот процесс статья 177, часть 3, которая гласит: «Осмотр тела человека, производимый в рамках осмотра, может включать фиксацию внешних признаков, таких как татуировки или шрамы» [20]. Эта статья уточняет порядок фиксации признаков, которые могут быть использованы для габитоскопии. Кроме того, статья 186, часть 1, предусматривает: «Следователь вправе получить образцы для сравнительного исследования, включая фотографии лица, если это необходимо для установления личности» [20]. Данная норма регулирует сбор биометрических данных, таких как изображения, для проведения экспертиз. Наконец, статья 281, часть 1, допускает: «Показания свидетеля, содержащие описание внешности лица, могут быть оглашены в суде при невозможности явки свидетеля» [20], что подчеркивает значение словесных портретов как доказательств. Совокупность этих норм обеспечивает процессуальную основу для использования габитоскопии в следственной практике, требуя строгого соблюдения формальностей, чтобы данные были признаны допустимыми доказательствами.

Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская описывают детально методику описания признаков внешности человека, то есть метод словесного портрета. «Словесный портрет – это криминалистический метод описания внешности человека с использованием единых терминов, осуществляемый по определенной системе в целях уголовной регистрации, розыска и отождествления живых лиц и трупов. Правила описания по методу словесного портрета базируются на взаимосвязанных принципах системности и полноты, принцип системности определяет последовательность

(очередность) описания, принцип полноты предусматривает подробную характеристику» [1, с. 338].

«Сначала фиксируются признаки, характеризующие общефизические элементы внешности: пол, возраст, национальность (антропологический тип), рост, телосложение, затем анатомические признаки отдельных областей тела и элементов; после этого – функциональные признаки, а затем – признаки сопутствующих предметов» [1, с. 338].

Расширяя понимание классификации признаков, стоит отметить, что такой последовательный подход позволяет не только систематизировать данные, но и учитывать их взаимосвязи, где общефизические элементы служат основой для первичной категоризации, анатомические обеспечивают детальную индивидуализацию, функциональные добавляют динамику поведения, а сопутствующие предоставляют контекстуальные данные, что особенно полезно в оперативных сценариях, когда полная картина внешности складывается из фрагментарных наблюдений.

«Описание признаков внешности осуществляется по схеме «от общего к частному» и «сверху вниз», при этом сначала характеризуют фигуру в целом, голову в целом, лицо в целом, отдельные его элементы, шею, плечи, спину, грудь, руки, ноги» [1, с. 338].

«Каждый из анатомических элементов характеризуется по форме, размеру и положению, а некоторые – по цвету. При описании формы используют наименование геометрических фигур (круглый, овальный, прямоугольный, треугольный и другие) или геометрических линий (прямая, выпуклая, извилистая и тому подобное). Описание размеров элемента дается не в абсолютных величинах, а по отношению к другим элементам внешности, при этом характеризуют его высоту, длину, ширину, количество и так далее, градация величин чаще всего бывает трехчленная: большой, средний, малый, может использоваться и пятичленная, с добавлением: очень большой и очень малый, при семичленной градации добавляют: выше среднего, ниже среднего, если возникают сомнения в характеристике размера, то его указывают в двух

значениях: «средний-малый», «большой-средний». Положение элемента определяется относительно вертикальных и горизонтальных плоскостей тела (горизонтальное, наклонное, скошенное внутрь и тому подобное), а также по взаимоположению (слитное, раздельное). По цвету характеризуют волосы (черные, темнорусые, светлорусые, белокурые, рыжие, седые); глаза (черные, карие, серые и так далее) и иногда цвет кожи (очень красная, желтая, синеватокрасный нос, цвет родимого пятна и тому подобное)» [1, с. 338-339].

Эта градация и детализация характеристик не только упрощает процесс описания, но и минимизирует субъективность, позволяя специалистам создавать унифицированные профили, которые легко сравнивать с базами данных или свидетельскими показаниями, тем самым повышая эффективность розыска и снижая вероятность ошибок в идентификации.

«Для описания должны использоваться единые принятые в словесном портрете термины, исключаящие разночтение и неясность» [1, с. 339].

«Анатомические признаки описывают применительно к двум ракурсам: вид спереди и вид сбоку (анфас и правый профиль), при этом голова должна находиться в «нормальном» положении, когда горизонтальная линия проходит через переносицу, наружный угол глаза и верхнюю треть ушной раковины (так называемая французская антропологическая горизонталь), мышцы лица должны находиться в спокойном состоянии (без улыбки, мимики, гримас), косметика должна отсутствовать, волосы должны быть убраны со лба и ушных раковин, очки и головной убор – сняты (их описание дается в сопутствующих признаках)» [1, с. 339].

Исследователи приводят схему описания внешних признаков по методу «словесного портрета», составленного с соблюдением вышеприведенных принципов [1, с. 339-346].

Также Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская описывают методику описания функциональных признаков.

Исследователи отмечают, что «осанка – привычное положение туловища и головы (привычная поза человека), при этом отмечается

положение головы относительно туловища (отклонена к правому или левому плечу, наклонена вперед, откинута назад), а также положение туловища по отношению к вертикали (спина прямая, сутулая, сгорбленная)» [1, с. 346].

Функциональные признаки, начиная с осанки, отражают не только физическое состояние, но и привычки, сформированные жизненным опытом, что добавляет слой индивидуальности к статическим описаниям, позволяя различать индивидов даже при схожих анатомических чертах.

«Походка – совокупность привычных автоматических движений при ходьбе как проявление сформировавшегося у человека определенного динамического стереотипа, это обстоятельство определяет постоянство таких элементов походки, как длина шага (левого, правого), ширина шага (узкое или короткое расставление ступней), постановку ступней при ходьбе (носками наружу, носками внутрь, параллельно), темп (быстрый, медленный), вид походки (мягкая, тяжелая, шатающаяся, вразвалку, подпрыгивающая, семенящая, вихляющая), отмечается также хромота, приволакивание ноги, положение рук при ходьбе (размахивание рук, руки в карманах, заложены сзади), походка может изменяться под влиянием заболеваний ног, нервной системы, перенесенных травм головы» [1, с. 346-356].

Походка как динамический признак особенно ценна в видеоанализе, это усиливает точность идентификации в случаях, когда статические изображения недостаточны, и подчеркивает необходимость учета медицинских факторов для корректной интерпретации изменений.

«Жестикуляция – комплекс движений рук, плеч (иногда головы) человека, которыми он сопровождает свою речь, чтобы придать ей большую выразительность, при описании жестикуляции фиксируют ее темп (быстрая, медленная), выразительность (оживленная, энергичная, вялая), характер жестов и их содержание (указательная, изобразительная и тому подобное).

Мимика – движение мышц и элементов лица, меняющих его выражение в зависимости от эмоционального состояния человека или его желания, она может быть очень развитой или маловыразительной, обычно отмечают

наиболее выраженную и привычную мимику (поднятие бровей, закусывание губ, подмигивания и т. п.).

Речь – применительно к ней характеризуют как данные, относящиеся к собственно речи, так и данные речевого механизма, в первом случае отмечают языки, на которых говорит человек, и язык, который является для него родным, диалект или наречие, акцент, особенности произношения, построения фраз, употребление жаргонных слов, засоренность речи («вот», «понимаете» и тому подобное). В отношении речевого механизма отмечают темп (медленный, быстрый), характер (речь спокойная, возбужденная), особенности речи (картавость, шепелявость, гнусавость и другие), голос характеризуют по тембру (бас, баритон, тенор, альт, дискант), силе (слабый, средний, сильный) и чистоте (чистый, хриплый, глухой, сиплый).

Манеры (привычки) поведения формируются в процессе жизнедеятельности человека и выражаются в однообразном (обычно автоматическом, неконтролируемом) выполнении определенных действий (потирание ладоней, поглаживание головы, усов, переступание с ноги на ногу, манера прикуривать, здороваться и тому подобное)» [1, с. 356-357].

Функциональные признаки, такие как жестикуляция, мимика, речь и манеры, позволяют интегрировать психологические и социальные аспекты, что особенно полезно в анализе видео или свидетельских показаний, где эти элементы могут стать решающими для различения индивидов в динамичных ситуациях.

Описание сопутствующих элементов и их признаков «относится к одежде, обуви, головным уборам и предметам, которые обычно человек имеет при себе (очки, кольцо, цепочки, кулон и тому подобное). В отношении одежды отмечают ее наименование (куртка, плащ, пиджак и так далее), вид (гражданская, спортивная, военная, форменная и тому подобное), фасон и покрой (однобортный пиджак, пальто-реглан, шапка-ушанка и тому подобное), цвет, рисунок, материал, состояние одежды, эксплуатационные

признаки. Подобным образом описывают и иные сопутствующие предметы» [1, с. 357].

Сопутствующие элементы, хотя и менее устойчивы, предоставляют ценный контекст, который может быть интегрирован в оперативные ориентировки, усиливая общую картину внешности и позволяя учитывать временные изменения, такие как одежда, для более точного розыска.

Описанная методика описания признаков напрямую коррелирует с требованиями Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», который регулирует вопросы обработки данных, включая биометрические. Статья 11, часть 1, определяет: «Сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных, могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи» [23]. Это положение подчеркивает, что использование биометрических данных, таких как изображения лица или параметры телосложения, в криминалистических целях требует строгого соблюдения правовых норм. Данная норма обеспечивает защиту граждан от неправомерного использования их данных, однако в криминалистической практике, где фиксируются анатомические и функциональные признаки, возникают сложности, связанные с получением согласия в оперативных условиях, что требует дополнительных законодательных уточнений и гармонизирует методологию с правовыми рамками.

Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская выделяют способы фиксации сведений, получаемых из субъективных и объективных источников: «словесное (вербальное) описание и материально-фиксированное изображение или отображение признаков внешности человека» [1, с. 357].

«Субъективными являются представления (психофизиологические отображения) о внешности искомого лица в памяти человека («мысленный образ»). Этот мысленный образ может быть зафиксирован в форме описания (в протоколе допроса, в ориентировке, рапорте, донесении и тому подобное), а также путем передачи изображений, несущих в себе значительный элемент субъективизма (рисованные, композиционные портреты)» [1, с. 357].

Субъективные источники, такие как мысленные образы, подчеркивают психологический компонент методологии, где фиксация через описания или портреты требует учета искажений памяти, но при этом обеспечивает гибкость в ситуациях с ограниченными данными.

«К объективным источникам относятся фотоснимки, кинокадры, видеозапись, рентгенограммы. Объективными источниками являются и отображения элементов человека (слепок с лица трупа, слепок следа босой ноги, отпечатки пальцев и тому подобное), а также костные останки, череп, объективным может быть признано и описание по методу словесного портрета, составленное по всем правилам в условиях непосредственного целенаправленного восприятия фиксируемого лица» [1, с. 357].

Объективные источники, в отличие от субъективных, обеспечивают высокую достоверность, позволяя переходить от визуальной фиксации к аналитическим сравнениям, что критично для экспертных заключений.

Оценка информации из субъективных источников требует особого подхода, поскольку формирование мысленного образа искомого лица в памяти человека – это сложный психофизиологический процесс, включающий этапы восприятия, запоминания и воспроизведения, каждый из которых может влиять на достоверность. Восприятие внешнего облика может быть длительным и неоднократным, например, при совместной учебе, работе или проживании, либо кратковременным в момент преступления, с влиянием объективных факторов вроде расстояния, освещения и длительности, а также субъективных, таких как пол, возраст, профессия и наблюдательность запоминающего, где свидетель может не осознавать события. При допросе

свидетеля или потерпевшего для описания разыскиваемого выявляют условия восприятия, свойства памяти и способность к воспроизведению, обеспечивая свободный рассказ без терминов словесного портрета, чтобы избежать дезориентации, но придерживаясь схемы от общего к частному с использованием контурных изображений для систематизированной информации. Мысленный образ трансформируется в субъективный портрет – рисованный очевидцем или художником, рисованно-композиционный с штриховыми рисунками и компьютерной графикой, как в системе «Барс», или фотокомпозиционный фоторобот из фрагментов фото в системе «ФРС», – которые субъективны, используются только для розыска и непригодны для экспертизы. Дополнительные сведения получают при осмотре места происшествия, анализируя следы рук, ног, зубов и взлома для суждения о поле, росте, навыках и силе, а для известных лиц – из учетов, личных дел, данных родственников, фотографий и лечебной документации.

Информацию о внешности фиксируют наблюдением, освидетельствованием для анатомии, примет и татуировок, а также обыском для одежды и обуви.

При обнаружении трупа фиксация зависит от опознания: для возможного отмечают обще-анатомические признаки, видимые приметы, придают прижизненный вид и фотографируют по правилам обзорной, узловой, детальной фотосъемки, а если труп не опознан, составляют подробное описание по словесному портрету для картотеки с отпечатками пальцев, фото анфас, профилей, вполоборота и посмертной маской. Наиболее объективны фотоснимки по сигналетической съемке, а видео – для функциональных и сопутствующих признаков [1, с. 357-360].

Общие принципы фиксации и обработки данных о внешности, изложенные Аверьяновой и соавторами, опираются на конституционные гарантии, закрепленные в Конституции Российской Федерации, как основополагающем документе, который устанавливает права граждан, напрямую связанные с процессом отождествления личности. В частности,

статья 24 гласит, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются [14].

Это положение устанавливает запрет на несанкционированное использование данных о внешности, включая визуальные и биометрические характеристики, без согласия лица. Данное требование подчеркивает необходимость строгого соблюдения конфиденциальности при проведении криминалистических процедур, таких как составление фотороботов или анализ видеозаписей.

На наш взгляд, конституционная норма создает правовую основу для защиты персональных данных, однако ее реализация в криминалистической практике требует четких процедур, чтобы избежать нарушений прав граждан, и гармонично интегрируется с методологией фиксации, обеспечивая баланс между оперативностью и законностью.

Итак, методология отождествления человека по признакам внешности формирует многоуровневую систему. Оперативные аспекты обеспечивают быструю идентификацию через розыскные мероприятия и поведенческие характеристики. Междисциплинарные элементы учитывают биологические факторы и унифицируют терминологию с интеграцией генетики.

Субъективные отображения значимы в оперативной работе с учетом ограничений памяти и экспериментальных данных. Методики описания через словесный портрет классифицируют признаки по принципам системности и полноты.

Фиксация данных охватывает субъективные и объективные источники, включая процедуры для трупов.

Нормативная база обеспечивает баланс с конституционными гарантиями, процессуальными нормами и законами о данных. Таким образом, методология адаптирует описание, источники, фиксацию и регулирование к сценариям для повышения точности в криминалистике.

2.2 Криминалистическая портретная экспертиза

Криминалистическая портретная экспертиза является ключевым методом отождествления личности по чертам внешности, позволяющим на основе анализа изображений перейти от общего сходства к установлению тождества. Это специализированный вид криминалистического исследования, где сравниваются признаки внешности на различных носителях, таких как фото, видео или останки, для подтверждения или исключения тождества лица, что делает ее незаменимой в розыске и доказывании. Начиная с фундаментального определения, портретная экспертиза опирается на научный анализ, где ключевую роль играет систематизация признаков, обеспечивающая переход от предварительного сходства к точному тождеству, и интегрируется в более широкую криминалистическую практику для решения задач расследования.

А.М. Зинин отмечает, что «идентификация человека по признакам внешности осуществляется путем их анализа с целью выяснения значения признаков в данном процессе и достаточности для решения вопроса о тождестве» [11, с. 203]. Система признаков делит их на групповые и индивидуальные: первые определяют общие черты, такие как пол, возраст и антропологический тип, сужая круг объектов, а вторые – выделяют уникальные особенности. Это деление обеспечивает структурированный подход, где групповые признаки служат ориентиром, а индивидуальные – основой для точных выводов, минимизируя субъективность. Однако, как показывает практика, в реальных экспертизах часто преобладают признаки среднего значения, что усложняет переход к категорическому выводу.

Переходя к детальному рассмотрению групповых признаков, которые формируют основу для первичной диагностики, стоит отметить их роль в создании общего сходства и ограничения в переходе к тождеству. А.М. Зинин подчеркивает, что групповые признаки создают сходство через совокупность черт, характерных для определенных групп, включая признаки полового

диморфизма и биологического возраста [11, с. 203-204]. Однако биологические факторы, как влияние эндокринной системы, могут искажать хронологический возраст, делая 50-летнего визуально моложе. Антропологический тип добавляет сложности, учитывая расовые вариации и подгруппы. Это делает экспертизу зависимой от контекста популяции, где средние градации признаков часто приводят лишь к выводу о сходстве, а не тождестве.

Групповые признаки образуют комплексы для диагностики, но для идентификации они имеют ориентирующий характер, требуя сужения проверяемой совокупности лиц через градации признаков отдельных элементов внешности, как отмечает А.М. Зинин [11, с. 204]. Здесь акцент на переходе от сходства к тождеству подчеркивает ограничения средних признаков. Практика показывает, что низкое качество изображений часто приводит к пробелам, где даже редкие особенности не достаточны без совокупности, что требует улучшения технологий фиксации.

Развивая тему перехода от групповых к индивидуальным признакам, где сходство переходит в тождество, важно учесть вызовы, связанные с совпадениями и динамикой изменений, что подчеркивает необходимость комплексного анализа. Переход от сходства к тождеству осложняется совпадениями признаков у родственников или «двойников», где различия проявляются в деталях строения элементов [11, с. 204]. Проблема выявления различий актуальна, поскольку они должны учитываться с динамикой изменений – возрастных, технологических или хирургических. А.М. Зинин объясняет, что возрастные изменения требуют анализа морфологии, технологические – проверки ретуши, а пластические операции – консультаций медиков [11, с. 205]. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода, где различия оцениваются в совокупности.

Оценка совпадений фокусируется на связях признаков, их независимости и частоте встречаемости, где устаревшие данные ограничивают точность [11, с. 205-206]. Качественная оценка, включая

пропорции и асимметрию, предпочтительнее количественной [11, с. 206]. Формирование индивидуализирующего комплекса – совокупности средних значений, пропорций и редких черт – позволяет достичь тождества.

В части индивидуализирующих комплексов, где совпадения переходят в тождество, важна роль точной терминологии для избежания разночтений. Так, например, В.А. Газизов подчеркивает роль точной терминологии, отмечая, что термины должны быть понятными и единообразными, как в международном праве [6, с. 355]. Действительно, отсутствие стандартов в терминах приводит к противоречиям между портретными и медико-криминалистическими экспертизами, что требует унификации для повышения надежности.

В.А. Газизов приводит примеры из УПК РФ и Федерального закона «О ГСЭД РФ», где определены понятия вроде «судебная экспертиза» как процесс в порядке закона или «экспертное учреждение» как государственное для производства экспертиз. Это подчеркивает, что термины – основа точности, и их однозначность формирует «язык науки» с большой определенностью [6, с. 355]. В.А. Газизов отмечает пробелы в количественных характеристиках и предлагая стандартизацию на основе закона «О техническом регулировании» для единой терминологии [6, с. 356].

Он приводит ГОСТ «Форматы обмена биометрическими данными», где «портрет» – это фото головы, шеи и плеч, а «изображение лица» – электронное представление, включая термины вроде «бочкообразная дисторсия» или «антропометрическая точка» [6, с. 357].

Следует отметить, что такие стандарты могли бы минимизировать искажения, делая экспертизу более объективной, особенно в цифровую эпоху.

В.А. Газизов предлагает решение через создание пособия с единой терминологией, включая термины из ГОСТ для условий съемки, как позиция головы и мимика [6, с. 357], что могло бы помочь в оценке различий на изображениях низкого качества.

В.А. Газизов заключает, что для экспертиз нужны государственные регламенты с терминологическими стандартами [6, с. 357-358], что могло бы гармонизировать анализ. На мой взгляд, это эволюционирует экспертизу, но требует обновления для современного разнообразия.

Раскроем практические аспекты экспертизы, где анализ объектов и методов обеспечивает переход от теории к выводам о тождестве. Согласно позиции Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухова, Е.Р. Россинской, «наиболее существенная роль в идентификации личности принадлежит криминалистической портретной экспертизе. В результате ее проведения устанавливается факт тождества. Возможности портретной экспертизы довольно обширны, что определяется как видом объектов, поступающих на исследование, так и методами исследования. В зависимости от характера объектов данный вид экспертизы может быть классифицирован на следующие подвиды: а) экспертиза изображений людей по фотопортретам в целях установления, не изображено ли на двух (и более) фотоснимках одно и то же лицо; б) экспертиза неопознанного трупа (фотоснимки которого представлены) и фотопортрета живого лица для установления личности трупа; в) экспертиза прижизненных фотоизображений без вести пропавшего человека и черепа трупа для установления, мог ли обнаруженный череп принадлежать данному лицу; г) экспертиза посмертной маски неизвестного человека и прижизненных фотоизображений без вести пропавшего с целью опознания трупа» [1, с. 360]. Эта классификация охватывает разнообразие объектов: от фото до черепов.

Классификация подвидов экспертизы позволяет систематизировать объекты и методы, где фотоанализ фокусируется на сходстве, а черепные исследования – на антропологии, что расширяет применение от розыска до опознания трупов.

«Приведенный перечень объектов и целей исследования свидетельствует о том, что портретная экспертиза проводится в процессе оперативных и следственных мер по розыску лиц, скрывшихся от следствия и

суда; лиц, бежавших из мест заключения; лиц, пропавших без вести, когда обнаруживается или задерживается лицо, сходное с разыскиваемым, проводится экспертиза и при обоснованных сомнениях по поводу того, что на фотоснимке в удостоверении личности изображено лицо, предъявившее данный документ в качестве своего, к помощи экспертизы обращаются для установления факта, что на фотоснимках, имеющих отношение к расследуемому событию, изображено конкретное лицо, и наконец, значение портретной экспертизы велико при установлении личности неопознанного трупа» [1, с. 360-361].

Некоторые виды исследования осуществляются в форме комплексной (криминалистической и судебно-медицинской) экспертизы [1, с. 360]. Экспертиза интегрируется в розыск и следствие для решения ключевых задач.

«В основе отождествления личности применительно ко всем вышеназванным объектам лежит сравнительное исследование (сопоставительный анализ) признаков внешности. Успех экспертного отождествления по фотоснимкам во многом зависит от их правильного подбора, качества, времени и условий съемки, желательно брать снимки без ретуши, с четкой проработкой деталей лица, на которых отождествляемое лицо изображено в том же ракурсе и при таком же освещении, как и на исследуемом фотоснимке, вместе с тем, учитывая то обстоятельство, что на разных фотоснимках могут просматриваться отчетливо те или иные элементы лица (головы), рекомендуется в качестве сравнительных направлять как можно больше фотографий, а при необходимости (по запросу эксперта) и негативы» [1, с. 361].

«Представленные на исследование фотоснимки осматриваются экспертом, из них выбираются наиболее пригодные для сопоставления, отобранные фотоснимки доводятся до одного масштаба (при репродукционной съемке), по группе снимков, на которых изображено одно и то же идентифицированное лицо, по методу словесного портрета составляется описание совпадающих признаков внешности. Наряду с описанием

применяют и другие приемы демонстрации совпадающих признаков: а) сопоставление – сравниваемые фотоснимки наклеивают рядом и одинаковыми цифрами отмечают совпадающие признаки; б) совмещение – сложение частей снимков (обычно левой части одного лица с правой другого) для демонстрации совмещения (взаимоперехода) горизонтальных линий: роста волос, бровей, глаз, основания носа, рта, подбородка; в) наложение – совмещение по одноименным анатомо-топографическим точкам изображений лиц, изготовленных на прозрачных фотопленках (или одно изображение на пленке, другое – на фотобумаге) [1, с. 361]. Используют и другие технические приемы: измеряют расстояния между одноименными анатомо-топографическими точками, изучают размерные соотношения, производят графические построения, в том числе с помощью компьютерной графики, и другие» [1, с. 361].

Методы сопоставления обеспечивают визуальную демонстрацию совпадений.

«Вывод эксперта основывается на детальной характеристике всех выявленных признаков внешности и объективной оценке их достаточности для целей отождествления, если наряду с совпадающими признаками, позволяющими прийти к выводу о тождестве, наблюдаются некоторые различия, они должны быть объяснены (разное освещение, положение головы, возрастные изменения, изменения вследствие перенесенного заболевания и тому подобное), к заключению эксперта должны быть приложены таблицы с фотоснимками, как размеченными, так и без разметок (контрольные)» [1, с. 361]. Объяснение различий гарантирует объективность выводов.

Расширяя спектр методов, стоит рассмотреть специфические техники для сложных объектов, таких как черепа, где экспертиза сочетает антропологию и фотоанализ для достижения вывода о тождестве. Так, «если на экспертизу представлен череп и прижизненное изображение отождествляемого лица, то исследование проводится по следующей методике: первоначально по черепу устанавливается пол и приблизительный возраст

лица, которому он принадлежал, если это не исключает дальнейшего исследования, то с прижизненного изображения лица изготавливают диапозитив, далее череп фотографируют в том же масштабе и в том же ракурсе, что и лицо, изображенное на диапозитиве, после этого негативные изображения черепа и лица совмещают по основным анатомо-топографическим точкам и с такого совмещенного негатива осуществляют фотопечать, на полученном фотоснимке должны отчетливо просматриваться оба изображения так, чтобы совпадали все основные анатомо-топографические точки и контуры, при совпадении делается вывод о том, что череп мог принадлежать данному лицу, в категорической форме заключение дается только в том случае, если наряду с отмеченным имеется совпадение индивидуализирующих признаков: искривление спинки носа, следы хирургического вмешательства на костях черепа, совпадение прижизненных сведений о состоянии зубного аппарата. Сопоставление изображений лица и черепа может быть проведено с помощью компьютерной графики, преимуществом такого метода является сопоставление по объемным изображениям» [1, с. 361-362].

Следует отметить, что на практике используются вспомогательные реконструкции, которые, хотя и не имеют доказательственного значения, способствуют оперативному розыску, подчеркивая грань между научной экспертизой и предварительными методами.

Так, «в следственной и оперативно-розыскной практике иногда прибегают к скульптурной реконструкции лица по черепу (метод профессора М.М. Герасимова), суть метода в том, что на череп наносят восковую композицию слоя, который определяется толщиной мягких тканей на соответствующих участках лица (головы), полученный скульптурный портрет может быть в оперативных целях предъявлен для узнавания, сопоставлен по методу словесного портрета с прижизненным изображением без вести пропавшего лица» [1, с. 362].

«Результаты опознавания или сопоставления доказательственного значения не имеют, так как в основе создания скульптурного портрета лежат не только объективные данные, но и субъективные, привносимые скульптором, по этой же причине скульптурный портрет не может быть объектом экспертного исследования» [1, с. 363].

«В последнее время также в оперативных целях производят сопоставление рисованных или композиционных портретов по делам, связанным с серийными преступлениями, портреты, созданные со слов потерпевшего или свидетеля по разным эпизодам преступлений, сопоставляются, подобный прием позволяет с некоторой долей вероятности установить, что преступления совершены одним и тем же лицом, подобное исследование, не будучи экспертизой, осуществляется в оперативных целях и оформляется справкой об исследовании» [1, с. 363].

Итак, криминалистическая портретная экспертиза представляет собой комплексный инструмент отождествления, где система групповых и индивидуальных признаков обеспечивает переход от сходства к тождеству, учитывая биологические и динамические изменения; терминологическая стандартизация минимизирует противоречия и искажения; процесс анализа включает подбор объектов, методы сопоставления и объяснение различий для объективных выводов; специфические методики для черепов и реконструкции расширяют применение, хотя и с ограничениями в доказательственной ценности; практика подтверждает эффективность в сочетании статических и динамических черт, но требует унификации для снижения субъективности.

Представим выводы по второй главе исследования.

Методология отождествления человека по признакам внешности представляет собой комплексную систему, объединяющую теоретические основы габитоскопии, оперативные, экспертные и процессуальные подходы с учетом статических и динамических признаков.

Она обеспечивает оперативную идентификацию на ранних этапах расследования, включая анализ видеоданных и поведенческих характеристик,

требуя стандартизированных протоколов для минимизации субъективных ошибок.

Междисциплинарный подход интегрирует криминалистику с судебной медициной и генетикой, унифицируя терминологию и дополняя традиционные методы биометрическими технологиями.

Субъективные отображения, такие как словесные описания и фотороботы, играют ключевую роль в оперативной работе, но ограничены факторами памяти и шаблонами программного обеспечения, где рисованные портреты точнее композиционных.

Методика словесного портрета систематизирует признаки от общего к частному, включая анатомические, функциональные и сопутствующие элементы, с использованием унифицированной терминологии для повышения точности.

Фиксация данных охватывает субъективные источники (мысленные образы, портреты) и объективные (фото, видео, останки), учитывая психофизиологические факторы и процедуры для неопознанных трупов.

Нормативная база, включая законы об оперативно-розыскной деятельности, геномной регистрации, персональных данных и процессуальные нормы, обеспечивает правовую основу, балансируя оперативность с конфиденциальностью и конституционными гарантиями, что делает методологию эффективной и адаптивной для криминалистической практики.

Криминалистическая портретная экспертиза является специализированным инструментом для точного отождествления личности путем анализа изображений и останков, обеспечивая переход от общего сходства к установлению тождества.

Признаки делятся на групповые (пол, возраст, антропологический тип), ориентирующие поиск, и индивидуальные, формирующие уникальные комплексы, с учетом возрастных, хирургических изменений и совпадений у двойников.

Терминологическая стандартизация по государственным стандартам минимизирует искажения и противоречия между экспертизами.

Практические аспекты включают классификацию подвидов экспертизы (по фото, трупам, черепам, маскам), методы сопоставления (сравнение, совмещение, наложение, компьютерная графика) и тщательный подбор материалов для объективных выводов с объяснением различий.

Специфические методики для черепов сочетают антропологию и фотоанализ, а реконструкции (скульптурные или композиционные портреты) поддерживают оперативный розыск, но не имеют доказательственной силы.

Экспертиза интегрирует теорию и практику, расширяя возможности криминалистики, но требует модернизации для соответствия современным вызовам.

Глава 3 Анализ практического аспекта отождествления человека по признакам внешности

3.1 Использование признаков внешности человека в следственной и оперативно-розыскной практике

Криминалистическое отождествление личности по чертам внешности остается важным инструментом уголовного процесса, позволяя идентифицировать подозреваемых и обвиняемых с использованием визуальных данных. Оно охватывает опознание по фотографиям или лицам, габитоскопическую экспертизу, анализ видеозаписей и оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ). В следственной практике эти методы обеспечивают оперативное установление личности на основе свидетельских показаний и материальных следов, тогда как в оперативно-розыскной деятельности они способствуют поиску и задержанию лиц, уклоняющихся от правосудия. Судебная практика подчеркивает доказательственную ценность этих подходов, но выявляет проблемы, связанные с процессуальными нарушениями, субъективностью интерпретаций и качеством материалов. Анализ судебных решений иллюстрирует применение методов отождествления, акцентируя внимание на соблюдении норм УПК РФ, роли экспертизы и значимости объективных доказательств, таких как видеозаписи. Такой обзор демонстрирует эффективность методов в реальных расследованиях и указывает на направления их совершенствования для минимизации рисков ошибок и повышения надежности.

Судебная портретная экспертиза эффективно решает задачи идентификации даже в условиях маскировки, как показывает дело военнослужащего Д.О. Федирко (Приговор Знаменского гарнизонного военного суда № 1-13/2016 от 4 октября 2016 года [17]). Обвиняемый в краже с причинением значительного ущерба (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ) похитил банковскую карту, зажим для денег и водительское удостоверение из жилища

сослуживца в период с 14 до 18 часов 2015 года. В 4:02 утра следующего дня, надев камуфлированный костюм и балаклаву, он снял деньги в банкомате, причинив ущерб. Идентификация стала центральным элементом доказывания: видеозапись с банкомата, запечатлевшая фигуру в балаклаве, подверглась габитоскопической экспертизе. Эксперты выявили сходство с Федирко по статическим признакам, таким как родимое пятно в подглазничной области, и динамическим, включая характерный способ нажатия на клавиатуру банкомата, заключив, что на записи, вероятно, изображен подсудимый. Анализ поведенческих характеристик наряду с анатомическими расширил возможности криминалистики, позволив преодолеть маскировку. Защита оспаривала выводы, предоставив альтернативное заключение специалиста, но суд отклонил его, указав на недостаточную обоснованность и отсутствие анализа всех материалов дела. Это дело подчеркивает высокую доказательственную ценность габитоскопической экспертизы в ситуациях, где традиционные методы, такие как опознание, затруднены. Вместе с тем споры о квалификации экспертов и методологии акцентируют потребность в строгой стандартизации процедур для минимизации субъективных интерпретаций.

Комбинация опознания по фотографиям и видеозаписей усиливает доказательственную базу в делах о групповых преступлениях, но требует строгого процессуального контроля. В деле Д.В. Дробинина и А.С. Старковского (Апелляционное постановление Архангельского областного суда № 22-3043/2021 от 19 октября 2021 года [3]) подсудимые обвинялись в самоуправстве с применением насилия (ч. 2 ст. 330 УК РФ). В ночь с 14 на 15 марта 2019 года на железнодорожной станции Шиес они с неустановленными лицами препятствовали движению техники ООО «СеверСтройТранс», установив вагончик, и применили насилие к потерпевшему К.А.М., нанеся ему множественные удары, причинившие легкий вред здоровью, а также незаконно лишили свободы его и другого потерпевшего, Б.А.А., удерживая их на улице в мороз. Идентификация опиралась на показания потерпевших, опознание Дробинина по фотографиям

и анализ видеозаписей с места происшествия. К.А.М. утверждал, что подсудимые вытащили его из кабины экскаватора, нанося удары, что подтверждалось его показаниями на следственном эксперименте и очной ставке. Суд использовал протокол опознания и видеозаписи, зафиксировавшие действия подсудимых. Защита оспаривала допустимость доказательств, указывая на нарушения ст. 193 УПК РФ (фототаблицы не позволяли идентифицировать статистов) и требуя габитоскопической экспертизы для Старковского. Суд признал доказательства допустимыми, отметив соответствие процедуры закону и внешнее сходство лиц на фото. Этот пример демонстрирует, что сочетание опознания и видео укрепляет обвинение, но процессуальные нарушения могут стать основанием для оспаривания, подчеркивая необходимость четких критериев для назначения экспертизы.

В делах с большим временным разрывом свидетельские описания сохраняют ценность, несмотря на вызовы памяти. Постановление Княжпогостского районного суда № 1-54/2024 от 26 июля 2024 года [16] касается обвинения ФИО1 в убийстве (ч. 1 ст. 105 УК РФ), совершенном 31 октября 2003 года в подъезде дома в г. Емва. ФИО1, будучи в состоянии алкогольного опьянения, нанес потерпевшему ПОТЕРПЕВШИЙ № 2 не менее 9 колото-резаных ран, приведших к смерти. Идентификация опиралась на показания свидетеля ФИО2 № 9, которая видела двух молодых людей, выбежавших из подъезда. Она описала второго (предположительно ФИО1): рост около 155 см, среднее телосложение, короткие темные волосы, черные густые брови, выразительные глаза, татуировка на правой кисти. В ходе опознания по фото спустя почти 20 лет (т. 2, л. д. 128-135) она уверенно указала на ФИО1 по глазам и бровям, что стало ключевым доказательством. Защита утверждала, что обвиняемый не мог совершить преступление из-за характера, но не оспаривала процедуру опознания. Суд признал вину доказанной, но дело прекратили из-за смерти ФИО1. Данное уголовное дело является ярким примером того, что детальные описания и опознание по фото эффективны в «холодных делах», но требуют оценки надежности

воспоминаний для предотвращения ошибок, подчеркивая роль психологических факторов в следствии.

Использование ОРМ вместо следственного опознания несет риски недопустимости доказательств. В деле о ложном сообщении о взрыве (Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22-264/2018 от 15 марта 2018 года [4]) ФИО1 обвинялся по ч. 1 ст. 207 УК РФ за оставление коробки с надписью, вызывающей подозрение на взрывное устройство, у КПП воинской части. Идентификация основывалась на ОРМ «отождествление личности», где свидетель ФИО25 опознал ФИО1 по низкокачественной фотографии. Защита указывала на нарушения: отсутствие предварительного описания примет, нечеткость изображения, предположительные показания свидетеля. Суд первой инстанции признал доказательства допустимыми, но апелляционный суд отменил приговор из-за декриминализации (ФЗ РФ от 31.12.2017 №501-ФЗ), не оценивая ОРМ. Следовательно, ОРМ ускоряют процесс, но без следственных действий могут подорвать юридическую чистоту, акцентируя необходимость баланса между скоростью и соблюдением норм.

В сложных делах интеграция методов повышает надежность, но требует строгого оформления. Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 19-АПУ19-16 от 14 января 2020 года [2] касается осуждения М.С. Акопяна и В.Г. Барсеяна за бандитизм, разбой, вымогательство и другие преступления (ч. 1, 2 ст. 209, ч. 3 ст. 222, п. «а» ч. 4 ст. 162, п. «а» ч. 3 ст. 163, ч. 2 ст. 228 УК РФ). Идентификация Барсеяна по эпизоду вымогательства 2013 года основывалась на опознании свидетелем К., видевшей двух мужчин, угрожавших топором, и видеозаписях по эпизоду разбоя 2015 года. Защита оспаривала ОРМ, указывая на отсутствие примет и противоречия в показаниях. Суд признал доказательства допустимыми, подтвердив их согласованность. Это дело подчеркивает ценность сочетания опознания и видео, но акцентирует потребность в процессуальной точности для преодоления споров.

Признание вины укрепляет идентификацию, но объективные методы остаются ключевыми. Приговор Торжокского межрайонного суда № 1-87/2024 от 23 августа 2024 года [18] касается грабежа П.М. Борисова (ч. 1 ст. 161 УК РФ), похитившего ноутбук стоимостью 5000 рублей в шиномонтажной мастерской 23 августа 2023 года. Потерпевший описал подозреваемого: мужчина 35-40 лет, рост 170-180 см, среднее телосложение, темные брюки и кофта. Оpozнание 1 февраля 2024 года и видеозапись подтвердили приметы, а ОРМ связали Борисова с местом преступления. Его признание вины усилило базу. Суд признал доказательства достаточными. Данный пример подтверждает, что комплексный подход с опознанием, видео и ОРМ эффективен, особенно при признании вины, но требует строгого соблюдения норм.

Анализ судебной практики демонстрирует, что методы отождествления личности по признакам внешности эффективны при их интеграции, но требуют строгого процессуального контроля. Сочетание опознания, габитоскопической экспертизы, видеозаписей и ОРМ позволяет решать сложные задачи, включая случаи маскировки или «холодных дел». Однако субъективные факторы, такие как качество изображений или память свидетелей, и процессуальные нарушения подчеркивают необходимость совершенствования подходов для обеспечения надежности и юридической чистоты.

3.2 Проблемы и перспективы отождествления человека по признакам внешности

Криминалистическое отождествление личности по чертам внешности, несмотря на свою фундаментальную роль в расследованиях, сталкивается с рядом значительных проблем, которые влияют на точность и эффективность процесса. Эти проблемы возникают из-за изменчивости внешних признаков человека, обусловленной естественными и искусственными факторами.

Например, возрастные изменения, такие как морщины или потеря волос, могут существенно искажать анатомические черты, делая идентификацию сложной в случаях с большим временным интервалом между событием и экспертизой. Естественные процессы старения требуют учета динамики внешности, иначе стандартные методы, основанные на статических изображениях, приводят к ошибкам.

Другой аспект проблемы связан с травмами и медицинскими вмешательствами, которые радикально меняют внешний облик. Травмы лица, шрамы или ожоги могут скрывать ключевые признаки, такие как форма носа или контур губ, что затрудняет сравнение с прижизненными фотографиями. Такие изменения часто требуют интеграции данных из судебной медицины, но отсутствие единой методологии приводит к несогласованности выводов экспертов. В результате, в следственной практике возникают ситуации, когда идентификация становится невозможной без дополнительных исследований, что замедляет расследование.

Косметико-хирургические изменения внешности представляют еще одну серьезную проблему, особенно в случаях, когда преступники специально корректируют лицо для избежания опознания. Резкий скачок развития косметологии позволил моделировать поверхность кожи век, уменьшать носогубные и губоподбородочные складки без хирургического вмешательства, используя инъекции ботокса или филлеров, различные методики лифтинга (радиаж, нитевой лифтинг, армирование) [8, с. 110]. Это необходимо учитывать в ходе составления субъективного портрета и при производстве портретной экспертизы, поскольку достоверность показаний опознающего или составляющего субъективный портрет зависит от особенностей фиксации и воспроизведения увиденных элементов внешности. «Качественное описание и успешное составление субъективного портрета подчиняется индивидуальной оценке особенностей фиксации и дальнейшему воспроизведению увиденных в целом элементов внешности человека» [8, с. 109]. «При получении информации о описании признаков внешности у

свидетеля, важно конкретизировать, как групповые, так и индивидуализирующие признаки, именно они будут играть важную роль обнаружению предполагаемого преступника из потока других людей. Однако в большинстве случаев отдельные особенности, имеющие идентификационную значимость, такие как татуировки, шрамы, дефекты того или иного элемента внешности скрыты под одеждой. В связи с этим значимость приобретает строение головы, что и необходимо учитывать при описании и составлении субъективного портрета» [8, с. 109-110]. «Кроме того, возникают различные сложности в ходе проведения опознания, так как, точный и полный словесный, субъективный портрет, составленный ранее – не будет играть значительную роль при опознании; если разыскиваемое лицо сознательно изменило внешние данные после совершения им преступления» [8, с. 110]. «Для специалиста важно подвергнуть анализу, полученную от очевидца совокупность признаков, так как лицо, не обладающее специальными знаниями в области габитоскопии, не может использовать корректную терминологию и последовательно описать внешность человека» [8, с. 110]. «Следует учитывать, что при описании, составлении субъективных портретов, проведении портретной экспертизы и предъявлении для опознания, необходимо учитывать не умение очевидцами составлять описание внешности по правилам, так как разные категории лиц имеют различные особенности формирования мысленного образа, а также условия их оценки с дальнейшей их словесной передачи» [8, с. 110]. «Вышеизложенное указывает на потребности в совершенствовании и в разрабатывании новых криминалистических научных методов и средств установления (отождествления) личности, с использованием криминалистически значимых данных внешнего облика человека» [8, с. 111].

Субъективность методов отображения внешности добавляет сложности, поскольку словесные описания свидетелей или фотороботы зависят от памяти и восприятия. Субъективные портреты ограничены в точности, особенно при составлении ориентировок, где ошибки в деталях могут привести к

неправильному поиску. В оперативно-розыскной работе это вызывает проблемы, когда ориентировки не соответствуют реальности, что приводит к трате ресурсов на ложные направления. Н.Ю. Пономарева отмечает, что использование словесного портрета, составленного на основе свидетельских показаний, сопряжено с проблемой объективной оценки его полноты и достоверности, на которую влияют субъективные и объективные факторы, приводя к расхождениям в идентификации одного и того же человека разными исследователями; для убедительности идентификации необходимо единое понимание терминологии и объективная оценка отображения признаков [15, с. 28]. А.А. Арчукова подчеркивает, что при составлении словесного портрета функциональные признаки (походка, жестикуляция, мимика) часто отсутствуют или описаны кратко и малоинформативно для опознания, несмотря на их потенциал для идентификации, особенно при маскировке внешности (парик, очки, маска) [5, с. 160].

Низкое качество изображений, получаемых с камер видеонаблюдения или мобильных устройств, является распространенной проблемой, снижающей достоверность анализа. Размытые или низкоразрешенные видео не позволяют выявить индивидуализирующие признаки, ограничиваясь групповыми чертами, что приводит к выводу о сходстве, а не тождестве. В судебной практике это часто становится основанием для оспаривания доказательств, особенно если изображения подверглись цифровой обработке или ретуши. По мнению С.М. Колотушкина, внешний облик человека выражается в комплексе визуально различимых признаков, включая функционально-динамические, которым присущи индивидуальность, устойчивость и повторяемость в динамике движений; активное использование систем видеонаблюдения и бытовых устройств (сотовые телефоны, автомобильные видеорегистраторы) позволяет фиксировать значительную информацию о таких признаках [13, с. 34]. Однако проблемы возникают при анализе видео: в примере драки у кафе, зафиксированной камерой с 20 метров в темноте с искусственным освещением, идентификация удара, приведшего к

смерти, осложнялась множеством участников в движении (удары, отталкивания), помехами от засветок и теней от машин [13, с. 35]. Для решения использовались графический метод на основе фотограмметрии (линейные построения для позиций объектов), пок кадровый анализ и экспертные эксперименты со статистами на месте для реконструкции позиций и перемещений; такие исследования могут быть расширены и представлены в комплексе с другими видами экспертиз [13, с. 35-37]. Н.Ю. Пономарева указывает на проблемы использования программ вроде Adobe Photoshop в портретных экспертизах, так как они позволяют изменять изображения и нарушают принципы экспертизы; применение нелицензионного ПО приводит к неполноте исследований, рекомендуется внедрять специализированные отечественные программы для импортозамещения; сложности возникают с материалами, измененными цифровыми технологиями, что затрудняет или делает невозможной идентификацию [15, с. 26-27]. Согласно позиции Н.Ю. Пономаревой, проблема анализа цифровых изображений на ретушь или монтаж решается методами фототехнической экспертизы перед портретной, эксперты портретной экспертизы должны самостоятельно применять методы выявления ретуши, получая навыки через дополнительное образование; также предлагается внедрение специализированных систем видеонаблюдения с функцией идентификации [15, с. 27].

Процессуальные нарушения при фиксации и использовании данных о внешности усугубляют ситуацию, когда опознание проводится без соблюдения норм УПК РФ, например, без предварительного описания примет. Это приводит к недопустимости доказательств в суде, как в случаях, где защита успешно оспаривает процедуру. Нормативная база, включая ст. 193 УПК РФ, требует строгого оформления, но на практике нарушения происходят из-за спешки в оперативной работе, что ослабляет позицию обвинения. Судебная практика, рассмотренная ранее, подтверждает, что низкое качество изображений, отсутствие четких примет в протоколах и процессуальные ошибки часто становятся основаниями для оспаривания доказательств,

подчеркивая необходимость единых стандартов для идентификационных процедур. Например, в делах с видеозаписями низкое разрешение или помехи ограничивают возможность точной идентификации, а в «холодных делах» субъективность памяти свидетелей требует дополнительной проверки. Признание вины обвиняемым укрепляет доказательственную базу, но не заменяет объективных методов, таких как габитоскопическая экспертиза или анализ видео, что подчеркивает важность интеграции методов для повышения надежности.

Терминологические разночтения между криминалистикой, антропологией и медициной создают дополнительные проблемы, когда эксперты используют разные понятия для одних и тех же признаков. Отсутствие единой терминологии приводит к противоречиям в описаниях, особенно при сравнении прижизненных изображений и останков. Это усложняет междисциплинарные экспертизы, где несогласованность терминов может привести к ошибочным выводам.

Отсутствие современных баз данных для учета трансформаций внешности ограничивает перспективы, поскольку существующие ресурсы не охватывают разнообразие антропологических типов в многонациональном обществе. Создание специализированных баз могло бы решить проблему, позволяя эксперту сравнивать признаки с учетом возможных изменений. Это решение интегрирует данные из различных источников, повышая точность в глобализированном мире.

Внедрение биометрических технологий, таких как распознавание радужки или венозного рисунка, открывает перспективы для преодоления изменчивости, но требует этического и правового регулирования. Искусственный интеллект и большие данные повышают точность, но ограниченная нормативная база препятствует применению. Разработка правовых норм для защиты биометрических данных станет ключом к интеграции этих технологий в практику. Н.Ю. Пономарева подчеркивает перспективы биометрических технологий как комплекса методов измерения

уникальных статических и динамических характеристик человека для идентификации; применение современных методов габитоскопии повышает эффективность раскрытия преступлений и розыска; необходимо создать единую систему регистрации биометрических параметров (папиллярные узоры, геометрия лица, радужка глаз, контур кисти руки) для подозреваемых, разыскиваемых и определенных категорий лиц [15, с. 27-28]. Автоматизированные методы биометрической идентификации ускорят портретные экспертизы, повысят объективизацию и изменят существующие методы исследований [15, с. 28]. А.А. Арчукова указывает на перспективы идентификации по функциональным признакам (походка, жестикуляция, мимика, осанка, привычки), которые индивидуализируют человека наряду с анатомическими; их использование обусловлено индивидуальностью, относительной устойчивостью и отображаемостью; теория и методы нуждаются в совершенствовании и новых технологиях; функциональные признаки полезны в ОРД для отождествления при маскировке, в предъявлении для опознания, освидетельствовании и экспертизе, но требуют научно-обоснованных рекомендаций и лучшей фиксации в словесных портретах [5, с. 159-160]. Необходимость анализа, систематизации и обобщения разработок по описанию, фиксации и классификации функциональных признаков видится перспективным направлением для дальнейших исследований [5, с. 161].

Стандартизация методик, включая обновление ГОСТов для цифровых изображений, может решить проблему качества материалов. Адаптировать термины из смежных наук в единую систему, что унифицирует описания и минимизирует ошибки. Это решение позволит экспертам использовать единые критерии, повышая надежность выводов в судебной практике, особенно в случаях, где низкое качество изображений или отсутствие четких примет в протоколах подрывают допустимость доказательств.

Модернизация ПО для моделирования лиц и анализа видео поможет справиться с субъективностью, позволяя симулировать изменения внешности.

Рисованные портреты точнее, но цифровизация может их дополнить, снижая влияние памяти. С.М. Колотушкин подчеркивает, что такие исследования могут быть расширены и представлены в комплексе с другими видами экспертиз, как в примере с видео драки, где графический метод и эксперименты позволили установить виновного [13, с. 37]. Перспектива – интеграция искусственного интеллекта для автоматизации, что ускорит оперативную работу. Н.Ю. Пономарева отмечает перспективы технологий 3D-моделирования в криминалистике: воссоздание облика преступника для изучения под разными углами, реконструкция внешности неопознанных останков (обгоревших, мумифицированных), фиксация повреждений через 3D-сканирование для экономии времени и комплексных исследований; однако проблемы включают отсутствие закрепления в УПК, высокую стоимость оборудования и сложность интерпретации данных [15, с. 29-30]. 3D-технологии открывают новые горизонты для раскрытия преступлений [15, с. 30].

Повышение квалификации экспертов в анатомии, физиогномике и цифровых инструментах решит проблему субъективности. Необходимость комплексного изучения требует междисциплинарной подготовки. Это позволит минимизировать ошибки в оценке различий и сходств, особенно в случаях с двойниками или родственниками, где судебная практика показывает необходимость точного анализа.

Разработка этических норм для биометрии предотвратит злоупотребления, балансируя эффективность и права граждан. Нормативных ограничениях предлагая гармонизацию законов. Перспектива – глобальные стандарты, интегрирующие биометрию с традиционными методами.

Интеграция геномных данных с габитоскопией, как в законе о геномной регистрации, расширит возможности для идентификации останков. Это решение преодолет изменчивость, но требует конфиденциальности. В перспективе, сочетание ДНК и внешних признаков станет стандартом для сложных случаев. Н.Ю. Пономарева выделяет перспективы: внедрение

автоматизированных биометрических методов, специализированных систем видеонаблюдения с идентификацией для повышения раскрываемости, 3D-технологий; комплексный подход к оснащению технологиями, созданию программ и подготовке специалистов повысит уровень экспертиз [15, с. 30-31].

Для решения проблем, связанных с косметико-хирургическими изменениями, предлагается на законодательном уровне закрепить положения о том, что перед производством следственного действия предъявляемое для опознания лицо должно подвергаться исследованию на предмет наличия или отсутствия признаков медицинского изменения признаков внешности. Это поможет решить проблему исключения или подтверждения версии о применении лицом различного рода косметико-хирургических процедур, в том числе и операций, но, с другой стороны, такие действия могут привести к затягиванию процесса расследования. Таким образом, данное предложение рационально включить в тактику проведения предъявления для опознания в качестве рекомендации, а не как основную меру для каждого следственного действия [8, с. 110].

В итоге, предлагается: внедрить биометрические технологии (распознавание радужки, геометрии лица) и 3D-моделирование для симуляции возрастных, травматических и хирургических изменений внешности, с рекомендацией проверки на медицинские вмешательства перед опознанием; разработать единые стандарты для фиксации функциональных (динамических) признаков в словесных портретах и видеоанализе, включая обязательное описание походки, мимики и жестикуляции, с повышением квалификации экспертов в габитоскопии для снижения субъективности, с опорой на УПК РФ (ст. 193, регулируюшую опознание, где такие признаки могут быть включены в протоколы для повышения объективности); ввести обязательную фототехническую проверку изображений перед портретной экспертизой для выявления ретуши и фальсификаций, с модернизацией программного обеспечения на базе искусственного интеллекта для анализа

видео и 3D-сканирования фиксации; гармонизировать УПК РФ путем внесения поправок в ст. 195 и унификации терминологии через обновление стандартов для минимизации процессуальных рисков и разночтений; создать национальную систему биометрической регистрации с учетом этических норм и конфиденциальности, интегрируя геномные данные с габитоскопией и обеспечивая комплексные экспертизы, в рамках УПК РФ.

Обобщая проблемы и перспективы, можно выделить ключевые аспекты, где изменчивость внешних признаков из-за возраста, травм, медицинских и косметико-хирургических вмешательств сочетается с субъективностью описаний и отображений, включая ограниченную фиксацию функциональных черт в словесных портретах, низким качеством изображений и видео с помехами от освещения, движения или цифровой фальсификации, процессуальными нарушениями в опознании и фиксации данных, терминологическими разночтениями между дисциплинами и отсутствием современных баз для учета трансформаций внешности, что в целом замедляет расследования, повышает риск ошибок и приводит к оспариванию доказательств в суде. Для преодоления этих ограничений перспективы сосредоточены на внедрении биометрических технологий и 3D-моделирования для автоматизации и повышения точности, создании единой системы регистрации биометрических параметров с интеграцией геномных данных, стандартизации методик фиксации функциональных признаков и цифровых изображений с обновлением ГОСТов и гармонизацией УПК РФ, модернизации ПО для моделирования и анализа видео с обязательной фототехнической проверкой на ретушь, повышении квалификации экспертов в междисциплинарных областях и разработке этических норм для защиты данных, что в комплексе позволит интегрировать традиционные и новые методы, минимизировать субъективные факторы и превратить текущие вызовы в эффективные инструменты криминалистики.

Представим выводы по третьей главе исследования.

В следственной и оперативно-розыскной практике отождествление личности по признакам внешности демонстрирует высокую эффективность как инструмент уголовного процесса, позволяя оперативно идентифицировать подозреваемых на основе свидетельских показаний, видеозаписей и габитоскопической экспертизы. Анализ судебных дел иллюстрирует, что комбинация опознания по фотографиям, анализа динамических признаков и ОРМ способствует успешному раскрытию преступлений даже в условиях маскировки или значительного временного разрыва. Однако практика выявляет системные проблемы: процессуальные нарушения, субъективность интерпретаций памяти свидетелей и низкое качество материалов, что приводит к оспариванию доказательств и подчеркивает необходимость строгого контроля, стандартизации процедур и интеграции методов для минимизации рисков ошибок и повышения надежности.

Проблемы отождествления по внешним признакам, включая изменчивость черт под влиянием возраста, травм и косметико-хирургических вмешательств, субъективность описаний, низкое качество изображений, цифровую фальсификацию, процессуальные нарушения и терминологические разночтения, существенно усложняют расследования, повышая риск ошибок и оспаривания доказательств в суде. Перспективы развития сосредоточены на внедрении биометрических технологий и 3D-моделирования для автоматизации и учета трансформаций, создании национальной биометрической системы с интеграцией геномных данных, стандартизации фиксации функциональных признаков и обновлении ГОСТов, модернизации программного обеспечения на базе искусственного интеллекта и обязательной фототехнической проверкой, повышении квалификации экспертов, гармонизации УПК РФ, что позволит преодолеть ограничения, обеспечить этическую защиту данных, повысить эффективность отождествления личности по чертам внешности.

Заключение

История возникновения и развития криминалистического учения о признаках внешности иллюстрирует путь от эмпирических методов XIX века, таких как системы Видока и Бертильона, к теоретическим основам XX века с вкладами Терзиева и Снеткова, и далее к технологическому прорыву XXI века с биометрией и видеоанализом. Эта эволюция подчеркивает адаптивность дисциплины к социальным и научным изменениям, минимизируя субъективность и повышая точность идентификации, но также акцентирует необходимость этического регулирования в использовании данных о внешности.

Понятие и сущность идентифицирующих признаков внешности человека раскрываются через габитоскопию как интегративную науку, классифицирующую признаки на анатомические, функциональные и сопутствующие, с ключевыми свойствами индивидуальности, стабильности и рефлекторности. Всё это обеспечивает структурированный подход к отождествлению в расследованиях, от розыска до экспертизы, но требует учета изменчивости и комбинации объективных и субъективных методов для максимальной эффективности в практике.

Методология отождествления человека по признакам внешности представляет собой комплексную систему, объединяющую теоретические основы габитоскопии, оперативные, экспертные и процессуальные подходы с учетом статических и динамических признаков. Она обеспечивает оперативную идентификацию на ранних этапах расследования, включая анализ видеоданных и поведенческих характеристик, требуя стандартизированных протоколов для минимизации субъективных ошибок. Междисциплинарный подход интегрирует криминалистику с судебной медициной и генетикой, унифицируя терминологию и дополняя традиционные методы биометрическими технологиями. Субъективные отображения, такие как словесные описания и фотороботы, играют ключевую

роль в оперативной работе, но ограничены факторами памяти и шаблонами программного обеспечения, где рисованные портреты точнее композиционных. Методика словесного портрета систематизирует признаки от общего к частному, включая анатомические, функциональные и сопутствующие элементы, с использованием унифицированной терминологии для повышения точности. Фиксация данных охватывает субъективные источники (мысленные образы, портреты) и объективные (фото, видео, останки), учитывая психофизиологические факторы и процедуры для неопознанных трупов. Нормативная база, включая законы об оперативно-розыскной деятельности, геномной регистрации, персональных данных и процессуальные нормы, обеспечивает правовую основу, балансируя оперативность с конфиденциальностью и конституционными гарантиями, что делает методологию эффективной и адаптивной для криминалистической практики.

Криминалистическая портретная экспертиза является специализированным инструментом для точного отождествления личности путем анализа изображений и останков, обеспечивая переход от общего сходства к установлению тождества. Признаки делятся на групповые (пол, возраст, антропологический тип), ориентирующие поиск, и индивидуальные, формирующие уникальные комплексы, с учетом возрастных, хирургических изменений и совпадений у двойников. Терминологическая стандартизация по государственным стандартам минимизирует искажения и противоречия между экспертизами. Практические аспекты включают классификацию подвидов экспертизы (по фото, трупам, черепам, маскам), методы сопоставления (сравнение, совмещение, наложение, компьютерная графика) и тщательный подбор материалов для объективных выводов с объяснением различий. Специфические методики для черепов сочетают антропологию и фотоанализ, а реконструкции (скульптурные или композиционные портреты) поддерживают оперативный розыск, но не имеют доказательственной силы. Экспертиза интегрирует теорию и практику, расширяя возможности

криминалистики, но требует модернизации для соответствия современным вызовам.

В следственной и оперативно-розыскной практике отождествление личности по признакам внешности демонстрирует высокую эффективность как инструмент уголовного процесса, позволяя оперативно идентифицировать подозреваемых на основе свидетельских показаний, видеозаписей и габитоскопической экспертизы. Анализ судебных дел иллюстрирует, что комбинация опознавания по фотографиям, анализа динамических признаков и ОРМ способствует успешному раскрытию преступлений даже в условиях маскировки или значительного временного разрыва. Однако практика выявляет системные проблемы: процессуальные нарушения, субъективность интерпретаций памяти свидетелей и низкое качество материалов, что приводит к оспариванию доказательств и подчеркивает необходимость строгого контроля, стандартизации процедур и интеграции методов для минимизации рисков ошибок и повышения надежности.

Проблемы отождествления по внешним признакам, включая изменчивость черт под влиянием возраста, травм и косметико-хирургических вмешательств, субъективность описаний, низкое качество изображений, цифровую фальсификацию, процессуальные нарушения и терминологические разночтения, существенно усложняют расследования, повышая риск ошибок и оспаривания доказательств в суде. Перспективы развития сосредоточены на внедрении биометрических технологий и 3D-моделирования для автоматизации и учета трансформаций, создании национальной биометрической системы с интеграцией геномных данных, стандартизации фиксации функциональных признаков и обновлении ГОСТов, модернизации программного обеспечения на базе искусственного интеллекта и обязательной фототехнической проверкой, повышении квалификации экспертов, гармонизации УПК РФ, что позволит преодолеть ограничения, обеспечить этическую защиту данных, повысить эффективность отождествления личности по чертам внешности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аверьянова Т.В. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. - М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 928 с.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 19-АПУ19-16 от 14 января 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ROOto5v5gsHx/> (дата обращения: 21.04.2025).
3. Апелляционное постановление Архангельского областного суда № 22-3043/2021 от 19 октября 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3BFZDKXIPgw/> (дата обращения: 21.04.2025).
4. Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22-264/2018 от 15 марта 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gCUMwyR0filt/> (дата обращения: 21.04.2025).
5. Арчукова А.А. Перспективы идентификации человека по функциональным признакам внешности // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : Материалы всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей, Санкт-Петербург, 23 декабря 2022 года / Сост. Э.Р. Миргородская. - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 159-161.
6. Газизов В.А. Особенности использования официальных терминов при криминалистическом описании внешности человека и в ходе производства судебной портретной экспертизы // Теоретико-методологические и прикладные аспекты социальных институтов права, экономики, управления и образования : Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Красково, 21 апреля 2016 года / Гуманитарно-социальный институт. Красково: Издательство «Перо», 2016. С. 355-358.

7. Галяутдинов Р.Р., Алексеева Ю.В. Особенности криминалистической идентификации человека по признакам внешности // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 19 (53). С. 219-221.

8. Горбунова Н.К. Особенности криминалистической оценки внешности лиц, подвергшихся косметико-хирургическим изменениям во внешности, при выявлении и раскрытии преступлений // Выявление и раскрытие преступлений коррупционной и экономической направленности: передовой опыт, проблемы и пути их решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 мая 2021 года / Сост.: М.Л. Родичев. - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 108-111.

9. Дмитриева Л.В. Криминалистическое отождествление человека по признакам внешности: история и перспективы развития // Энциклопедия судебной экспертизы. 2020. № 3(26). С. 31-39.

10. Зинин А.М. Особенности оперативной идентификации человека по признакам внешности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4 (91). С. 169-175.

11. Зинин А.М. От «сходства» к «тождеству» в судебной портретной экспертизе // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 203-206.

12. Клипко Е.П. Проблема идентификации человека и личности в криминалистике и судебной медицине // Глобус: экономика и юриспруденция. 2019. № 3 (33). С. 98-102.

13. Колотушкин С.М. Проблемы отождествления человека по его функционально-динамическим признакам, зафиксированным в материалах видеозаписи // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 2. С. 34-37.

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.02.2025).

15. Пономарева Н.Ю. Проблемы и перспективы совершенствования криминалистической идентификации по признакам внешности // Актуальные вопросы развития экономики и юриспруденции : сборник статей V Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 25 марта 2025 года. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. С. 25-31.

16. Постановление Княжпогостского районного суда № 1-54/2024 от 26 июля 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0kL1qezxqz1O/> (дата обращения: 21.04.2025).

17. Приговор Знаменского гарнизонного военного суда № 1-13/2016 от 4 октября 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uyaFHcHG06ou/> (дата обращения: 21.04.2025).

18. Приговор Торжокского межрайонного суда Тверской области № 1-87/2024 от 23 августа 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3RSrTMFkNyYx/> (дата обращения: 21.04.2025).

19. Прокофьева Е.В., Агаркова Т.К., Рахимов Т.А. Криминалистическое установление личности с использованием субъективных отображений признаков внешности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2(68). С. 53-59.

20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 21.04.2025).

21. Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82263/ (дата обращения: 21.04.2025).

22. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 21.04.2025).

23. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 21.04.2025).